

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
в формате видеоконференции
Милан, 15 июля 2020 г.**

Тексты: Х. Каррон. *Сияние в глазах. Что вырывает нас из небытия?* Гл. 2; Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира.* Гл. 1–2.

- *Luntane, schiù luntane*

Слава...

Продолжим наш путь и сегодня вечером рассмотрим вторую главу книги «Сияние в глазах», которая называется «Как заполнить эту бездну жизни?» Помня обо всем, что мы сказали до сих пор, начнем проверять наши попытки разрешить проблему, поднятую в предыдущей главе: найти то, что вырывает нас из небытия. Вольно или невольно, сознательно или не очень, все мы предпринимаем попытки вырваться из небытия, поскольку потребность, глубоко заложенная в нашей человечности, не оставляет нас в покое и подталкивает к поиску того, что способно ответить на вопрос Мигеля Маньяры: «Как заполнить эту бездну жизни?» (О. Милош. *Мигель Маньяра*. Сериате: Христианская Россия, 2000. С. 50).

Часто мы думаем, будто ответ заключается в том, чтобы поскорее перевернуть страницу. Один человек мне пишет: «Работа над темой желания открывает мне сердце и ум. Сегодня мы провели собрание по второй главе, и меня поразило следующее: есть искушение много „говорить“ о Христе, перескакивая через тему желания, как бы считая ее самоочевидной; в результате мы не понимаем, кто такой Христос».

Кому-то, однако, кажется, что говорить о желании, о вопросе – слишком мало.

Дорогой отец Хулиан, я решила написать тебе, поскольку после школы общины, прошедшей в июне, у меня возникли некоторые вопросы и мысли и мне хотелось бы поделиться ими с тобой. Больше всего ты настаивал на том, что, если в сердце человека упорно звучит вопрос, значит, на него существует ответ. Полагаю, под вопросом ты понимаешь образующую для нас потребность, составляющую саму ткань нашей человечности. Твое рассуждение, подкрепленное прекрасной цитатой Карен Бликсен («Бог не создает желание или надежду, если у Него нет наготове реальности, исполняющей их»), логически верно. Но я задумалась о себе, о моем опыте, и спросила себя, до какой степени проблема «вопроса» описывает весь человеческий путь. С детства я вращалась в приходской среде, а мои родители, сами будучи неверующими, тем не менее позволили мне свободно принять таинства и участвовать в курсе, предусмотренном после миропомазания – и так вплоть до восемнадцати лет. Затем я поступила в университет. В те годы я начала по-настоящему узнавать себя и поняла, какова дорога (то есть воспитание) моего желания быть любимой. Это случилось не посредством внутренних размышлений о моих не слишком ясных желаниях, а благодаря встрече с друзьями, жившими харизмой «Общения и освобождения» и всерьез подходившими к учебе, к отношениям с однокурсникам и преподавателями, к свободному времени, к любви, ко всей жизни. Привязавшись к ним, я поняла, что и сама желала такой полноты жизни. Это был ответ (ответ во плоти – мои друзья) на мои ожидания, даже самые затаенные, и он как бы приподнял завесу и «подарил» мне саму себя. Именно такая динамика, постоянная, непрерывная, до сих пор наполняет меня благодарностью, в том числе и в драматичные моменты, от которых взрослая жизнь меня не убергла. Христос, достигающий меня в компании Движения,

использует меня, мой ум, мои творческие способности, но только если моя свобода соглашается на это. Кто-то привлек меня и продолжает привязывать меня к себе, очаровывая красотой и безвозмездностью, которые только Он умеет порождать, и я вижу, как они расцветают в жизни – моей и моих друзей. Я окружена компанией «воскресших», людей, радостных и умиротворенных даже в боли и перед лицом непредвиденных событий, и для меня это единственное, что не позволяет моему вопросу поглотить меня. Христос сказал Своим ученикам быть с Ним и следовать, и рядом с Ним «путаница» в сердце обрела взгляд и отношение, к которому можно прилепиться. Мне всегда вспоминаются слова пророка Осии: «Народ Мой закошел в отпадении от Меня, и хотя призывают его к горнему, он не возвышается единодушно» (Ос. 11:7). Вопрос открывается и проясняется перед Присутствием, заставляющим поднять взгляд, взгляд, который, когда он устремлен лишь на нас, порой ведет к замкнутости в самих себе. Думаю, ты хочешь сопровождать нас на нашем пути шаг за шагом, мы всегда это видели, в том числе и на упражнениях. Однако я ощутила потребность сказать тебе, что последняя школа общины показалась мне слишком ограниченным отрезком, лишенном открытого и вечно нового горизонта всего христианского опыта. Мне как будто тяжело было дышать, и я спросила себя, действительно ли помогает (как метод) такая фрагментация пути, без общей перспективы. В опыте все происходит одновременно, мы не анализируем отдельные его части. Мне кажется, тем, кому трудно, так становится еще труднее. Хотела сказать тебе все это, чтобы ты помог и мне вжиться в путь, который ты нам предлагаешь. Если я что-то не так поняла, будь добр, подведи меня к пониманию. Надеюсь, тебе ясны причины, по которым я взяла на себя инициативу написать тебе.

Совершенно ясны. И поэтому я счастлив, что тебе хватило свободы, чтобы поделиться с нами твоим вопросом и твоими ощущениями. Действительно, в прошлый раз я не стал описывать человеческий путь от начала до конца (у меня не было такой цели), поскольку хотел выделить один решающий аспект пути, связанный с тем фактом, что порой мы слишком торопимся «заговорить» о Христе. Это не обходится без последствий, как мы увидим позднее.

Мне важно подчеркнуть следующее: всякий раз, когда мы рассматриваем какой-то аспект реальности, в нем уже есть все. Приведу пример. Если ты видишь человека, который безумно по кому-то тоскует, который без перерыва говорит о том, как сильно он ощущает отсутствие другого, если ты видишь, насколько он взвинчен из-за своей неукротимой тоски, как ты все это истолковываешь? Его тоска – лишь изолированный «фрагмент» или же речь о чем-то настолько цельном, что, чтобы объяснить то, что ты видишь, тебе нужно обратиться к тому, чего ты не видишь? Как объяснить эту тоску? В ней уже есть то, что ее порождает. Человек может ни словом не обмолвиться об объекте своей тоски, но нельзя сказать, будто ее слишком мало, ведь ее не существовало бы, если бы чье-то отсутствие не вызвало ее. Вот почему, встречаясь с безумно тоскующим человеком, ты не назовешь его тоску аспектом, отделенным от целого: в отрыве от целого ее просто не было бы.

Конечно.

Это крайне важно, и наша проблема, как мы говорили в прошлый раз, в том, что часто нам не удается видеть «глубину так, как видишь обычные вещи» (Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 122). Почему? Потому что мы отрываем обычные вещи от глубин, которыми те образованы. Это станет понятно по мере работы над книгой «Сияние в глазах», которая представляет собой попытку предложить цельный путь.

Вопрос, который ты ставишь, однако, должен бы проясниться в свете того, о чем мы читали в первой главе книги «Прочертить след в истории мира». Глядя, как Иисус входит в отношение с какой-то частью реальности, например, с полевым цветком, кто-то мог бы возразить: «Это только часть!» Но в Его глазах эта часть заключает в себе все, потому что, как говорит Джуссани, «творение... [есть] событие... полевая лилия, которую „Отец Небесный одевает так, как не одевался Соломон“, – это событие; падающая птичка, о которой знает Отец Небесный, – это событие; „волосы, исчисленные на нашей голове“, – это событие» (*Прочертить след в истории мира*. С. 24). Цветок – событие, ты – событие, твое желание – событие. Как много людей с удивлением замечают, что не считают это желание самоочевидным! «Чего тебе не хватает, сердце, что ты вдруг нехваткой полно?» – спрашивал Марио Луци (*Sotto specie umana*. Milano: Garzanti, 199. P. 190). Именно на этом мы сейчас хотим заострить внимание. Почему? Потому что «если мы не поймем термин „событие“ и не будем им пользоваться, то не поймем и христианства, которое в результате немедленно сводится к словам» (Ср. *Прочертить след...* С. 26).

Как раз потому, что в опыте все происходит одновременно, каждый из нас проверяет, приводит ли христианское событие в движение его разум, подталкивает ли оно не останавливаться на видимости. То, о чем ты говоришь, правильно: важно именно христианское событие, однако ты проверяешь его, если начинаешь смотреть на реальность, как смотрит на нее Иисус, для Которого ничто не оторвано от своих истоков. Если же ты, напротив, противопоставляешь христианское событие и часть реальности, которую видишь, и если христианское событие не оживляет твой разум, позволяя тебе входить в отношение со всем и со всеми (с твоей семьей, с работой, со страданиями, с желанием), то ты не сможешь заметить Его действие в любом аспекте реальности. Христос – мы неоднократно это повторяли – пришел не для того, чтобы упразднить религиозное чувство, а чтобы пробудить его, восстановить разум со всей его потребностью в полноте! И потому, когда человек живет, как говоришь ты, уставившись лишь в самого себя, застряв в собственной мере, он остается на поверхности. Джуссани же, как мы сказали в прошлый раз, находит в самом «я» компанию, которая его образует, всю тайну Отца, Который его порождает. Понятно? Очень важно это осознать. Если это верно для всех людей (вся реальность отсылает к чему-то другому, творение есть первое событие), то сколь для нас, встретивших Христа, должно быть привычнее воспринимать желание или вопрос как самый ясный знак существования ответа.

Вернемся, однако к тому факту, что мы часто спешим заговорить о Христе.

Уже довольно давно я живу в угрюмой тоске, это основное мое душевное состояние, и оно появилось задолго до коронавируса. Период изоляции прошел достаточно быстро, и если обобщенно говорить о его отличительных чертах, я назову страх: не столько перед болезнью, сколько перед экономическими последствиями. Я без устали и всячески старался внести вклад в работу моей фирмы, однако возвращение в офис было отмечено некоторым разочарованием, связанным как раз с тем, насколько я выкладывался. Однажды утром я позвонил подруге, и, дав выход эмоциям, мы коснулись темы каникул. Я сказал: «Мы с семьей забронировали места там-то и там-то, я человек, который приспособливается, моим жене и детям нужно...» Подруга ответила: «Вот здесь ты ошибаешься (по поводу приспособления). Почему ты не борешься за то, в чем нуждаешься ты?» Это было как озарение: я не борюсь, потому что это неудобно, тут нужен определенный труд, и он может оказаться не из легких. Потом, после обеда, я увидел на столе распечатку июньской школы общины с подчеркиваниями моей жены и подумал: «Что же ее там так заинтересовало?» Я на той школе не понял ничего. Я взял текст и прочитал на одном дыхании, он был настоящим открытием! Моя жизнь становится грустной, поскольку я слишком тороплюсь закрыть вопросы, заранее подвожу всему итог, тороплюсь сказать

«Христос», перескакивая через жизнь. И жизнь становится скучной, невыносимой, даже если в ней нет серьезных проблем. Но главное последствие заключается в отсутствии любви, потому что, если я не принимаю всерьез собственную нужду, я не забочусь ни о себе, ни об окружающей меня реальности. В таком случае нельзя жаловаться на работу, которая не движется вперед, или на детей, не делающих определенные шаги, ведь я первый никуда не иду. Труднее всего понять, что в моей нужде уже есть все, и это все состоит из обстоятельств жизни, самых великих и самых незначительных, все они обладают одним достоинством: еда, питье, сон, работа, каникулы, дружба и т. д. Я убедился в том, что признать желание и принять его всерьез сложно. Хулиан, благодарю тебя: ты уже давно настаиваешь на необходимости насыщенно жить реальностью, но я только сейчас начал о чем-то догадываться, с некоторым опозданием.

Никогда не бывает поздно!

Не знаю почему, но все вдруг словно стало проще и реальней, туман печали рассеялся, и я становлюсь все более благодарным за то, что существует наша харизма и я могу за ней следовать.

*«Моя жизнь становится грустной, поскольку я слишком тороплюсь закрыть вопросы, заранее подвожу всему итог, тороплюсь сказать „Христос“». Это как ярлык наклеить на жизнь, и в таком случае «жизнь становится скучной, невыносимой». Вот проверка, которую каждый должен совершить. Именно в связи с тем, о чем ты рассказал, отец Джуссани говорил: «Причина, по которой люди больше не верят или же верят, не веря (сводя веру к формальному, ритуальному участию, к внешним проявлениям или к морализму), – в том, что они не живут собственной человечностью [то есть в недостатке человечности], не относятся всерьез к собственной человечности» (L. Giussani. *Vivendo nella carne*. Milano: BUR, 1998. P. 66). Если мы не убеждаемся на опыте, что Христос, Который пришел, чтобы пробудить нашу человечность, действительно способен ее пробудить (то есть подтолкнуть нас относиться всерьез к нашей человечности), наша формальная, основанная на ритуалах вера не сможет одолеть скуку. Вот почему для многих людей, даже верующих, жизнь невыносима. Джуссани настаивает, что христианство нуждается в человеке: «Христос предлагает Себя как ответ на то, что такое „я“, и только внимательное, а также нежное и полное пламенной любви осознание себя самого может распахнуть и расположить меня к признанию Христа, восхищению Им, благодарению и жизни в Нем. Без этого сознания даже имя Иисуса Христа становится всего лишь именем» (Ср. Джуссани Л. *У истоков христианского притязания*. С. 7.). Такой риск часто подстерегает нас.*

Всем добрый вечер.

Что полезного ты для себя поняла, когда начала всерьез относиться ко всему происходящему с тобой?

Мы с тобой не знакомы, и я с трудом следую за Движением, которое стало для меня и колыбелью, и тюрьмой. Как бы то ни было, я благодарна за этот опыт, поскольку он подарил мне некоторых важнейших людей, которые сопровождают меня до сих пор. Мне не кажется таким уж полезным работать над школой общины, читать и перечитывать тексты, чтобы в конечном итоге, даже того не замечая, прилеплять слова к опыту. Поэтому обычно я особо не читаю предлагаемые тексты, но в этот раз по совету друга прочла введение, а затем

и вторую главу твоей новой книги. Меня поразила затронутая в них тема, совершенно реально и конкретно присутствующая в моем опыте. Эпидемия коронавируса была в некотором смысле долгожданной для меня, человека, вечно живущего надеждой, что случится что-то способное сдвинуть, разбить небытие, постоянно возникающее передо мной. Бывают дни, пронизанные этим душераздирающим опытом, обжигающей тревогой, начавшей пожирать мое существование, как только я вошла во взрослую жизнь. Даже самые замечательные моменты, проведенные с кем-то или в одиночестве, часто заключали в себе легкую печаль, непреходящее чувство неудовлетворенности. Ничто не длится, отношения не сохраняются, все по сути течет без какого-либо смысла. Я замечаю, что нигилизм, который ты так хорошо описал во введении, как бы встроен в меня, хотя я об этом не просила и не мечтала. С большим трудом я научилась смотреть на него, хотя он и неотрывен от ран, которые никак не затягиваются. Карантин не перевернул мою жизнь. Более того, я сказала себе: посмотрим, что случится в этом новом «приключении», приключении ужасающе драматичном, но все же давшем мне нечто благое. Наконец-то я была сама с собой, одна перед Богом. Отпала нужда подстраиваться под других, притворяться, будто ты в форме, когда это не так. Я поняла, что жизнь не может сводиться лишь к тревоге о том, как бы достичь цели, которая, кажется, становится все дальше с беспощадным течением времени: у каждого свой путь, своя дорога, свои сроки. Я начала карантин с моими планами на него, но не прошло и недели в разных делах, и я получила травму и ничего не могла делать. Я чувствовала себя грузом для всех, но поняла, что для меня сложившаяся ситуация может быть кстати, чтобы избавиться от тысячи ожиданий. Годами я жила со своего рода обидой на Бога, потому что ни один из моих планов не сложился, как я себе представляла, и я ожесточенно не желала смотреть на то, как Он позволял им расцвести иным образом. В этих обстоятельствах мой муж и дети были самым великим знаком Его любви ко мне: своим присутствием они просили у меня быть в реальности, отвечать на их нужды и радоваться их компании. Затем в этом диалоге, сотканном из мелочей, я стала догадываться, что, даже будучи такой слабой, я обладаю достоинством, что Он призывает меня именно через мою слабость. И свет, который я вижу, ослепителен и наполняет меня любовью, которую моему сердцу сложно вместить. Предложенный папой Франциском Крестный путь в Страстную пятницу стал для меня очень трогательным моментом, я ощущала себя в каком-то смысле близкой к опыту тех, кто из-за собственного зла отвергнут обществом. Я желаю встретить взгляд, который принимал бы меня целиком, был исполнен безусловной любви. Но вокруг меня, даже среди нас, я скорее обнаруживаю мир видимости. Самая коварная тюрьма – разобщенность, невозможность найти во всем мире хотя бы одного человека, с которым получилось бы разделить свои самые сокровенные тяготы. Я держусь за эту боль, ведь она заставляет меня идти вглубь самой себя и вещей: срывая покров видимости, она позволяет мне на опыте переживать тот факт, что я – это Ты, призывающий меня, охватывающий меня, любящий меня. Моя жизнь протекает в ожидании, что Он явит себя перед моими глазами. Речь не об усиленных попытках понять, не о кропотливой исследовательской работе, а о диалоге, происходящем через крик. Единственное, что я могу, – быть. Могу сказать: главное, что мне осталось от этого времени, – нежность, о которой ты говоришь, самосознание, осознание этого диалога – порой молчаливого, порой радостного, а порой и переходящего в крик, диалога с Другим, зовущим меня, для которого я хороша такая, какая есть, даже если мое «я» раздроблено и непоследовательно и, на первый взгляд, бессмысленно.

Движение может быть колыбелью или тюрьмой; местом, где твою жизнь обнимают, или тюрьмой, душащей «я». Ситуацию с коронавирусом, во всем, на первый взгляд, негативную, Бог использовал, чтобы помочь тебе осознать саму себя, не игнорировать твою человечность с ее

затруднениями и слабостями. Более того, ты стала замечать, что именно через твою слабость Другой и призывал тебя, и вступила в диалог с Ним, не вопреки твоему крику, а посредством его. Если так не происходит, в конечном итоге вера оказывается чужда жизни, она не достигает ее, и в результате мы не видим ее целесообразность. Напротив, не игнорируя нашу человечность, мы постепенно осознаем самих себя, испытываем по отношению к самим себе нежность, которая кладет начало таинственному диалогу – простите за повтор – с Тайной. Но все-таки часто мы воспринимаем собственную человечность как препятствие. Как же полюбить ее?

Ты говоришь, что опыт, чтобы быть таковым, должен включать в себя суждение, а критерий, на основании которого это суждение выносится, – наша человечность. Но как могу я любить мою человечность? Часто она представляется мне пропастью, бременем, и я всеми силами стараюсь одолеть эту тяжесть, но у меня не получается. И тогда я пытаюсь урезать мои притязания, подправляю желание, говоря: ладно, я должен довольствоваться и этим, в конце концов мне многое дано – работа, семья, дети. Но я быстро понимаю, что притворяюсь, всего этого мало, чтобы заполнить пропасть. Одним словом, реальность способна уничтожить все преграды, всю колючую проволоку, которой я обнес жизнь, и тогда я оказываюсь прямо перед пропастью. Как же мне действительно любить мою человечность, если кажется, что все, из чего состоит моя повседневная реальность, висит на волоске? У Гуччини есть песня «Встреча», которая вместе с песней «Видишь, дорогая» всегда меня поражала. В ней говорится: «Дорогая подруга, время берет и время дает, мы всегда бежим в каком-то направлении, но кто знает, куда оно ведет и в чем его смысл... Мы не вечны: пустые фразы в голове и сердце, полное символов». Как мне любить, относиться с нежностью к моей человечности, такой ограниченной, что я не в состоянии защитить даже самое великое, самое важное: мою жену и дочерей? Порой меня по-настоящему пугает ограниченность моей человечности. Благодарю тебя за все.

Это я благодарю тебя, что ты решил разделить с нами твою глубокую тревогу, и я благодарен, что есть место, где каждый может свободно сделать то же самое. Все мы верим, но как будто не преодолеваем пропасть, и жизнь с ее заботами и хрупкостью превращается в бремя, в тяжесть. В результате, если наша вера не влияет на наше существование, в один прекрасный момент мы скажем: «Нам это больше не интересно». Вот почему Джуссани подчеркивал: «Вера, которая не может быть обнаружена и обретена в опыте настоящего и подтверждена им, которая не приносит пользы в ответе на насущные потребности, – такая вера не в силах устоять в мире, где все, все противоречило и противоречит ей» (Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 24–25). Вера, оторванная от жизни, долго не протянет.

Поэтому давайте оставим открытыми эти вопросы, не стараясь поскорее покончить с ними с помощью разговоров.

Добрый вечер. Прочту письмо, которое я написал тебе. «Дорогой отец Каррон, я сижу у входа в больницу, где моей жене должны сделать томографию. Завтра моему младшему сыну предстоит поход к окулисту. В эти дни я читал и перечитывал последнюю школу общины, пытаюсь найти для себя основание, чтобы предстоять перед сложившимися обстоятельствами. Тем, кто меня знает, известно, что я человек мнительный. Прямо сейчас я дочитал вторую главу „Сияния в глазах“ и узнал себя в твоих словах: недостаточно разговоров или этики, чтобы предстоять перед вопросами, исходящими от реальности. Я понимаю, это не проблема рассуждений. Догадываюсь, что все заключено в нежности, пускающей ростки на древе моего неукротимого желания, в нежности, с которой я смотрю на

собственное „я“ и , как следствие, смотрю так на все. Я догадываюсь, что это самый истинный доступный мне взгляд на самого себя и на обстоятельства. Говорю „догадываюсь“, потому что признание истины и присоединение к ней не происходит машинально. Тут-то я и понимаю, что для совершения этого шага мне нужна поддержка – молитва и жертва: Ты, творящий меня, реальность, мою жену, моих детей и все обстоятельства, дай мне силы, чтобы сказать Тебе да. Теперь я понимаю, почему так важно читать молитву „Ангел Господень“ каждое утро. Дорогой отец Каррон, пока я пишу тебе, моя тревога и озабоченность не проходят, но все мое „я“ словно обнято и понято любящим Присутствием, вселяющим в меня желание увидеть плоды моего „я“, в котором обитает Христос, здесь, в этих обстоятельствах. Когда я размышляю о настоящем моменте, о себе и об отдельных друзьях, мне хочется, чуть ли не со стыдом, сказать одну крайне откровенную вещь. Иногда мое доверие Богу не всецело. Я говорю: „Да будет мне по слову Твоему“, – но в глубине души словно добавляю: „Но только если Твоя воля хотя бы отчасти совпадает с моей“. Мне словно недостает последнего шага, даже лучше – последнего прыжка. Я понимаю, что мало доверять Христу на 99,99%, ведь содержание моего „я“ не может быть частичным».

Как же сильно мы нуждаемся в полноте! И к этой полноте мы приближаемся мгновение за мгновением. Почему? Потому что нужно, чтобы нежность Его присутствия со временем обнимала всю нашу человечность. Как ты сказал, признание истины не происходит машинально, нужно проделывать путь, чтобы Присутствие становилось нам все ближе, чтобы это проявлялось в том, как мы живем. Если я начинаю догадываться, а потом и на опыте видеть, что все мое «я» обнято, в какой бы ситуации я ни оказался, если я замечаю, что существует ответ на потребности моей человечности (например, на нехватку смысла, которую я могу порой ощущать), если я осознаю, что ответ этот способен содержать в себе все, то в таком случае я могу по-настоящему любить мою человечность. Я люблю ее, если ощущаю, что кто-то обнимает самые ее глубины, и тогда я доверяюсь на все сто, целиком и полностью. Это драматичный путь, требующий от меня задействовать мои разум и свободу.

А что человек замечает в себе, когда чувствует, что вся его человечность обнята? Один из вас пишет: «Во мне рождается бесконечная благодарность, в том числе за раны и за боль, за крик разочарования, поскольку лишь посредством их я могу переживать жизнь во всей ее целостности».

Мне показалось, что последняя школа общины и глава, над которой мы сейчас работаем, очень связаны. Ты говоришь: «И хотя порой из-за нехватки честности, или внимания, или подлинной нравственности [мне все это хорошо известно] мы следуем за тем, что неистинно, позволяем ему увлечь себя, рано или поздно [рано или поздно наступает такой момент] именно человечность внутри нас помогает осознать, что мы впали в великое заблуждение». Какое облегчение! Я даже не должна ждать, чтобы со мной произошло бог знает что, нужно только быть внимательной к собственной человечности, подающей мне сигналы, показывающей мне, что меня невозможно редуцировать. Именно «нередуцируемость „я“, наш крик – ...подтверждение чего-то иного», как ты говорил на последней школе общины. Очевидное подтверждение я нахожу в себе, внутри себя. Я долго размышляла о пути, по которому ты провел нас в ту среду, и хотя, пока я слушала тебя и свидетельства, мне сразу стало легче дышать, потом я не раз застревала на месте, думая, будто это результат логического рассуждения. И я терялась, путалась, заходила в тупик. Вот почему я часто возвращалась к выступлениям друзей и к твоим словам и начала смотреть, какие экзистенциальные последствия в моей жизни имело то, к чему ты подвел нас и что казалось мне настоящей революцией. Так оно и есть! Расскажу об одном факте. Я пошла на МРТ (у меня были проблемы

со здоровьем во время карантина) и по дороге начала переживать, но старалась отогнать страх, преуменьшая его. Однако, когда я оказалась перед трубой МРТ, тревога сразу же вернулась, и я даже подумала остановить все и отказаться от процедуры. Меня охватила настоящая паника. Пока я находилась в таком состоянии, из глубины меня возник крик: «Господи, будь со мной! Будь со мной!» Но мгновение спустя вопль сменился удивлением: «Господи, Ты со мной!» Все произошло за секунду, и это была не мысль, до которой я додумалась, а признание. И за секунду я перешла от панической атаки к полному умиротворению. Это было удивительно, поскольку в следующие пятнадцать минут я пролежала в трубе расслабленной – настолько, что чуть не уснула. Чем больше я понимала, что происходит – за гранью моих способностей (я только-только пережила противоположный опыт), тем уверенней повторяла: «Это Ты! Это Ты во мне!» Ты говорил: «Нечто более глубокое, встроенное в нашу натуру, кричит о Другом». Томография стала для меня возможностью осознать это и понять, что значит насыщенно жить реальностью.

Можешь объяснить разницу между «Господи, будь со мной» и «Господи, Ты со мной»?

Первая фраза была криком, родившимся почти в панике...

Это как говорить: «Ну, если ты случайно здесь, приди!» – но изначально не слишком верить в существование ответа. Когда же ты с удивлением произносишь: «Господи, Ты со мной!» – это признание, знак веры, в которой есть религиозность, то есть сознательного отношения с Тайной, отношения, ставшего в ходе проделанного пути настолько близким тебе, что ты тут же от крика «Будь со мной!» перешла к признанию «Ты со мной!» И поэтому молитва – это не альтернатива разуму, как мы часто думаем («Я в панике и не мыслю разумно, и потому кричу и прошу»), а то, что говорит о ней Джуссани в конце десятой главы «Религиозного чувства»: «Глубинное самосознание чувствует в глубине себя Другого [«Господи, Ты со мной!»]. Это и есть молитва: глубинное самосознание, сталкивающееся с Другим. Таким образом, молитва – это единственное человеческое действие, в котором полностью реализуется величие человека» (Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 124). Вот разница между одной фразой и второй. Как узнать, использовал ли я разум вплоть до признания в глубине самого себя Другого, как узнать, совершил ли я единственное человеческое действие, в котором реализуется величие человека? Ты об этом сказала очень просто: наступило умиротворение, ты расслабилась. Именно такое «прикосновение реальности» свидетельствует о том, как вера, когда мы живем ею согласно ее природе (не как альтернативой разуму, а как важнейшим признанием со стороны разума), способно произвести настоящий переворот: «За секунду я перешла от панической атаки к полному умиротворению». Твой опыт полностью соответствует концовке десятой главы: «Истинное самосознание подобно ребенку на руках у отца и матери: он с глубоким спокойствием и даже с радостью может войти в любую жизненную ситуацию. Никакая терапевтическая система не в силах претендовать на это, не калеча человека. Иначе говоря, часто, чтобы перестать закрывать глаза на некоторые раны, закрывают глаза на человека с его человечностью» (*Там же*. С. 124).

Вера, закрывающая глаза на человечность, – это вера, лишенная религиозного чувства. Вера же, пробуждающая человечность, пробуждающая разум вплоть до признания внутри нас (там, где, как говорила наша подруга, очевидным образом присутствует Другой), – это что-то совершенно иное. Это уже не формальное и ханжеское присоединение, а в полной мере обоснованное признание, подлинная революция для тебя, хотя ты и принадлежала Христу с рождения.

Однако мы можем жить верой, не признавая Его близость к нам. Когда же человек начинает приобретать такой опыт, он понимает, о чем идет речь.

Хочу рассказать о том, что случилось со мной недавно и очень удивило меня. Пару недель назад я с женой и детьми поехал в горы. Отпуск был для меня долгожданным, но, как только мы добрались, банальные вещи тут же изменили мое настроение: шел дождь, место оказалось не таким, как я себе представлял и т. д. Я тут же впал в грусть и ощутил апатию и неохоту что-либо делать. Во время прогулки по городку, жена зашла в магазин, а я остался на улице с коляской, мне было скучно и я уткнулся в телефон. С изумлением я осознал, что ощущение грусти было знаком составляющей меня бесконечной нужды. В подобные моменты в прошлом я часто навязывал себе моралистические призывы: «Я должен бы почаще читать школу общины, побольше молиться, больше делать молчание...» В тот же раз, напротив, я с нежностью взглянул на мою неудовлетворенность, удивляясь тому, насколько неизмеримо мое желание, и благодаря за то, что этот факт всегда выходит наружу. Такой взгляд на самого себя – нечто абсолютно новое для меня, и он, без сомнения, является плодом пути, по которому ты ведешь нас в последние месяцы. Когда моя жена вышла из магазина, я был другим, мы пошли в бар и я говорил ей обо мне, тогда как всю дорогу из дома в горы я молчал, поскольку мне особо не о чем было сказать. Я хочу, чтобы такой взгляд на самого себя, такая нежность в отношении самого себя становились все более привычными. Спасибо за путь, на который ты нам указываешь.

Видишь? Путь туда и путь обратно – две совершенно разные вещи. Почему так случилось? У тебя не было никаких видений свыше, просто ты, вместо очередных упреков в свой адрес, начал с нежностью смотреть на собственную неудовлетворенность, удивляясь тому, насколько неизмеримо твое желание, и благодаря за то, что этот факт всегда выходит наружу. В кои-то веки ты не разозлился на желание и неудовлетворенность, которые испытывал. И в этом, по твоим словам, заключалась абсолютная новизна, ведь ты, хотя и давно в Движении, только сейчас начал замечать эти плоды пути, проделанного за долгие годы. И чего тебе хочется? Чтобы такой взгляд становился для тебя все более привычным.

О том же свидетельствует нам друг из Южной Америки: «В работе над последней школой общины, которую я перечитал много раз и соотнес с перипетиями моей жизни, я осознал многострадальную связь моих основополагающих потребностей (часто переплетающихся с ошибочными желаниями и страстями) и творящего меня „Ты“. Это происходит, когда я внимательно всматриваюсь в самого себя. Ты подчеркивал, что за нашими ранами или претензиями скрывается вопрос, который мы нередко отметаем из чувства стыда. В последнее время это помогло мне увидеть, что именно там, в моем неустрашимом „я“ прячется сокровище крика, на который существует ответ. Сколько времени мне потребовалось, чтобы сознательно пережить такой опыт! Но что я могу сказать и на что могу жаловаться, если это дар для моей человечности, некая данность? Что тут возразить? Теперь, замечая эту искру, я чувствую удовлетворение, поскольку она поддерживает меня, и мне при этом не нужно претендовать ни на что ни от кого. И горе мне, если я не соглашаюсь верно (не последовательно, а верно) на эту великую благодать – открывать, что Бог поселился во мраке и глубине моего „я“. Как часто, когда я заглядывал в глубину самого себя, мне становилось не по себе! Как из этих мрачных глубин могла родиться нежность к моей человечности? Нужно было не стать чище или лучше, а изменить взгляд на мою рану и, опираясь на это, не переставать ждать ответа, постоянно основывая надежду на искре».

То же может произойти и перед тяжело больным отцом, как пишет одна из вас другу: «Когда я смотрю на зависимость моего отца от Тайны в каждом его вздохе, данном ему Богом, мой разум открывается и я замечаю, что и для меня сейчас все так же. Это наполняет меня

изумлением, делает меня внимательной, ставит в позицию ожидания». Друг отвечает: «Это благодать – видеть, как Он действует в твоём отце и в тебе». Оба они осознают это дыхание, которое дается каждую секунду. Вот подтверждение того, о чем мы читали в тексте школы общины: можно видеть глубины (то есть Того, Кто дает дыхание), как видишь обычные вещи (то самое дыхание). Наша подруга отвечает: «Да, благодать, превозносящая всю мою человечность, как она есть, со всеми ее вопросами, в свете неоспоримой очевидности Его присутствия». Так может быть до последнего вздоха.

Во втором пункте второй главы сказано: «Что такое эта наша человечность, которая не дает себя обмануть, обвести вокруг пальца, которой мы не можем предложить любой произвольный ответ? Самообман и отвлечение внимания прикрывают трудности, но не вырывают нас из небытия. Даже раненая, потрепанная, запутавшаяся, наша человечность не позволяет сбить себя с толку, одурачить первому встречному. И это первый признак того, что она не так сильно запуталась, как кажется». В последние два месяца я забочусь о моем отце, переживающем смертельную стадию болезни. Он в очень тяжелом состоянии, хотя дух (со всеми возможными перепадами) остается сильным. Несколько дней назад я помогал ему сесть у выхода из дома, и через открытую дверь он видел ослепительное сияние солнца, озарявшего то утро. Мой отец пробормотал что-то, я попросил повторить, и он произнес более отчетливо: «Какой прекрасный день! Какое прекрасное сегодня солнце!» В следующие дни я часто думал о его словах и пришел к таким выводам. Во-первых, поразительно, что человек может испытывать сильнейшую боль, находиться в тяжелом и в чем-то даже унижительном положении, но не может запретить собственному сердцу кричать, когда замечает нечто прекрасное. Во-вторых, нам, мне кажется, что, чтобы говорить: «Как прекрасно!» – необходимо быть физически здоровыми, чувствовать себя любимыми и нужными, иметь спокойную работу без стресса, вытравить из себя нигилизм, освободиться от воздействия обманчивой рекламы, культуры просвещения, дурных мыслей и т. д. Сердце же отстаивает свое пространство чуть ли не независимо от нас: не требуется никаких предварительных условий, чтобы наше сердце жило и увлекало нас в жизнь. В-третьих, живое сердце не условие для того, чтобы потом случилось что-то еще, это уже победа над унылостью нашей жизни. И если позволите, постскриптум. Моя мать, которая больше страдает из-за состояния моего отца, чем он сам, но по силе духа ему не уступает, на робкую просьбу отца дать ему ложечку мороженого, уверенно и воодушевленно ответила: «Конечно! Сегодня праздник, каждый день – праздник, так что будем праздновать!» Позволяя нашему сердцу выражаться, мы «заражаем» других людей и позволяем и им жить реальностью, пусть даже не во все соответствующей, с открытым сердцем. Спасибо!

Спасибо тебе. Мы можем дойти до конца жизни и пребывать в реальности так же, как твои родители, но только в том случае, если каждый из нас усердно проделывает путь. Нас всегда подстерегает опасность. Один друг, который не смог приехать пишет, что, хотя он никогда не отдалялся от того, с чем встретился, часто жизнь в Движении для него «пересыхала и сводилась к чистым формальностям, без участия сердца. Сердце опустело и неизбежно наполнилось другим. Отсюда все „заносы“, неверность, следование за всеобщим менталитетом, хотя [в нем] и оставалось далекое и томительное воспоминание о временах, когда счастье было настоящим, а дружба – реальной и бескорыстной». Постепенно он забросил Братство, упражнения, встречи, школу общины. Но однажды, вновь повстречав некоторых давних друзей, он заметил, как все начало меняться. Он описывает это так: «Встреча разбудила и оживила первую встречу». Когда по какой-либо причине человек отдаляется от первой встречи, лишь событие, подобное изначальному, способно вернуть его на верную колею.

Встреча разбудила и оживила первую встречу, и наш друг снова начал жить. В одном из своих текстов отец Джуссани говорит: «Столкновение с присутствием инаковой человечности предшествует всему остальному не только в начале, но и в каждый момент, следующий за началом: год или двадцать лет спустя. Изначальному явлению (столкновению с инаковой человечностью, изумлению, которое она вызывает) суждено быть *изначальным и исконным явлением всякого момента развития*. Нет никакого развития, если изначальное столкновение не повторяется, иными словами если событие не остается современным». Когда же, продолжает Джуссани, образуется разрыв с началом, когда начало превращается в «благочестивое воспоминание», чем тогда можно заполнить этот разрыв? «Нужно, чтобы вновь произошло... то, что произошло в начале: не „как“ произошло в начале, а „то, что“ произошло в начале: столкновение с человеческой инаковостью, в которой обновляется то же самое событие, какое привело человека в движение изначально» (L. Giussani. *Qualcosa che viene prima // Dalla fede al metodo*. Milano: Coop. Ed. Nuovo Mondo, 1994. P. 40, 42).

То, о чем мы сказали, крайне важно для веры. Меня всегда поражала фраза отца Джуссани, произнесенная в Кьети в 1985 году: «Мы, христиане, в современной обстановке оказались оторванными не непосредственно от христианских формулировок, не непосредственно от христианских обрядов, не непосредственно от законов, прописанных в христианском декалоге. Мы оторваны от человеческого основания, от религиозного чувства. Наша вера уже больше не является религиозностью... она уже не отвечает, как должна бы, на религиозное чувство. [И потому] наша вера не сознает, не понимает саму себя [превращается в ханжество и не достигает жизни, о чем говорил Рейнхольд Нибур: «Нет ничего невероятнее, чем ответ на непоставленный вопрос»]. Христос есть ответ на вопрос, на человеческий голод, на жажду истины, счастья, красоты и любви, справедливости и конечного смысла» (L. Giussani. *La coscienza religiosa nell'uomo moderno // Quaderni*. Centro culturale «Jacques Maritain». Chieti, 1986. Pro manuscripto. P. 15). Вот почему вера проверяется пробужденным религиозным чувством, как мы уже неоднократно напоминали. Мы думаем защитить Христа, говоря о Христе, о компании. Но самый явный способ защитить Христа – увидеть Его славу в живой человечности, в сиянии чьих-то глаз. В этом всегда и будет заключаться проверка веры, которая убедит и нас, и других людей.

Продолжим наш путь и обратимся к двум следующим главам «Сияния в глазах». На ситуацию, в которой мы находимся, отмеченную отсутствием смысла, распространяющимся небытием, ответить может лишь нечто историческое, плотское, конкретное, способное охватить нашу человечность, часто неустроенную, суетливую, редуцированную, и вернуть нам всю реальность и всю нашу личность, позволить нам смотреть на все наши раны, ничего не отстраняя от приобщения к той новизне, о которой мы говорили ранее.

Итак, определившись с проблемой, стоящей перед всеми нами («Как заполнить эту бездну жизни?»), начнем распознавать, по какому пути нужно идти, чтобы все больше проверять нашу веру, и в каком месте нас постоянно пробуждают, вдохновляют продвигаться вперед, а не поворачивать вспять, продвигаться, чтобы в конечном итоге переживать всю реальность, как переживал ее Иисус. Иисус тоже жил реальностью со всеми ее ограничениями, Он не жил где-то в стратосфере, Его человеческая жизнь, как и наша, протекала в той же самой реальности. Как же ему удавалось жить, не впадая в нигилизм? Именно такой путь нам и предстоит, ведь Христос пришел, чтобы вырвать нас из нигилизма. И только если мы научимся жить реальностью, как жил Он, нам удастся проверить, целесообразна ли вера для жизни.

Летом работа на школе общины продолжится по книге «Сияние в глазах» следующим образом: до середины августа – по третьей и четвертой главам, до Дня начала года – по пятой и шестой главам.

Работа над школой общины носит прежде всего личный характер, и именно поэтому, даже если нет возможности встречаться по группам, ее все равно можно выполнять, читая по несколько страниц каждый день, обсуждая открытия с женой, мужем, друзьями. Лето – не пауза посреди жизни (если, конечно, не хотим, чтобы и оно нам наскучило), и школа общины нам помогает.

Митинг в Римини. На сайте и в приложении Митинга выложена программа этого «специального выпуска», который пройдет с 18 по 23 августа на тему: «Лишенные удивления, мы остаемся глухи к возвышенному». Объективные ограничения, связанные с санитарной ситуацией, не преуменьшают природу и суть Митинга. Со всей своей историей и наследием он выступает местом диалога и совместного переживания экзистенциальных вопросов и проблем, которые в этом году проявились по-новому. Каждый из дома или из места, где проводит отпуск, может подключиться к мероприятиям, и так ваше участие будет менее самоочевидным и более сознательным.

Начиная с 31 июля и до тех пор, пока есть свободные места, можно записаться на встречи через сайт и приложение, а также заказать виртуальную экскурсию по выставкам с кураторами. Непосредственное посещение Митинга в Римини будет доступно ограниченному числу людей в соответствии с санитарными нормами.

Предлагаем вам распространять информацию о Митинге, и участвовать во встречах в течение недели. Это возможность расширить аудиторию Митинга повсюду, ведь никто не может запретить пригласить к участию друзей, с которыми вы отдыхаете в самых отдаленных уголках гор или на море. Кто знает, может, в этот раз «посетителей» окажется больше, чем в предыдущие годы. Это шанс разделить со всеми то, что с нами произошло.

В некоторых городах будут организованы точки подключения к Митингу, где можно будет вместе смотреть встречи и спектакли.

Наконец, все еще можно записаться волонтером-послом, следуя инструкциям на сайте Митинга.

Напоминаю, что День начала года состоится для всех во второй половине дня 26 сентября в формате видеовстречи. Если санитарные нормы позволят, вы сможете смотреть трансляцию в маленьких группах. В начале сентября мы сообщим технические детали подключения.

Всем хорошего лета, дорогие друзья!

Veni Sancte Spiritus

Спасибо, хорошего отдыха!